
ОЛЬГА СТОРМ
ДВА МИЛЛИОНА ЛЕТ ВНУТРИ
ПУТЕШЕСТВИЕ К ИСТОКАМ СОЗНАНИЯ

Ольга Сторм

Два миллиона лет внутри. Путешествие к истокам сознания

«Автор»
2026

Сторм О.

Два миллиона лет внутри. Путешествие к истокам сознания / О. Сторм — «Автор», 2026

Что, если бы мы могли не просто увидеть прошлое, а прожить несколько минут жизни наших далёких предков — почувствовать их страх, любовь, восторг и увидеть мир их глазами?В недалёком будущем группа учёных создаёт технологию, позволяющую проникать в глубины генетической памяти. Но первые же путешествия становятся неожиданным открытием: древний человек оказывается гораздо сложнее, чем мы привыкли думать.Вместе с героями читатель отправится в захватывающее путешествие сквозь тысячелетия — туда, где зарождались сознание, первые верования и само ощущение человеческого «я».Но чем глубже погружение, тем тоньше граница между прошлым и настоящим. И тем острее вопрос: кто мы на самом деле?Научно-фантастический роман о происхождении сознания, загадках человеческой природы и двух миллионах лет эволюции, которые продолжают жить внутри нас.

© Сторм О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Последний вопрос Миры. 5
Глава вторая. Венок света. 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Два миллиона лет внутри. Путешествие к истокам сознания

Глава первая. Последний вопрос Миры.

— Представьте двух людей, — сказала Мира. — Один живёт в нашем столетии, умеет управлять космическими аппаратами, знает несколько языков и разбирается в молекулярной биологии. Второй жил двадцать тысяч лет назад. Он не умел читать, никогда не видел книги и даже не подозревал, что Земля вращается вокруг Солнца. Кто из них умнее?

Перед ней висело несколько сотен полупрозрачных лиц.

Благодаря системе пространственного телеприсутствия студенты из разных концов света выглядели так, словно собрались в одной огромной аудитории. На верхних ярусах сидели слушатели из Токио и Сеула, справа — из Найроби и Кейптауна, ближе к кафедре — из Берлина, Парижа и Мадрида. Автоматический перевод работал почти незаметно, хотя иногда смех в разных частях аудитории раздавался с такой задержкой, что казалось, будто шутку приходится объяснять.

— Если второй не умеет даже читать, — заметил молодой человек с первого ряда, — у него вряд ли были бы шансы поступить в наш университет.

— Согласна. А если бы экзамен принимал он?

Молодой человек не сразу нашёлся с ответом. Мира улыбнулась и взмахнула рукой. За её спиной вырос лес.

— Отправим обоих сюда. Без телефона, навигатора, аптечки и возможности вызвать спасателей. В лесу есть всё необходимое для жизни и несколько десятков способов погибнуть исключительно по собственной глупости. Кто из них продержится дольше?

— Второй, — ответила девушка из Найроби. — Он умеет жить в лесу.

— Значит, теперь он умнее?

— Вы меняете условия задачи! — возмутился молодой человек.

— Именно! А природа занимается этим уже несколько миллиардов лет.

Мира любила этот момент в лекциях, когда самый старательный студент вдруг забывал, что собирался записывать. Она была невысокой, стройной женщиной с короткими тёмными волосами. Сегодня на ней был светлый пиджак с закатанными рукавами, под которым виднелась чёрная футболка. Стоило ей приподнять бровь или чуть наклонить голову, и даже люди, присутствовавшие в аудитории лишь в виде изображений, начинали улыбаться в ожидании следующей реплики.

— Мы привыкли представлять эволюцию как непрерывное совершенствование. Сначала существо плохо соображает, затем немного лучше, потом изобретает колесо, письменность, паровой двигатель и наконец доставку еды по подписке. В результате получается современный человек — венец творения, который не способен вспомнить собственный номер телефона.

Кто-то в первом ряду демонстративно потянулся к своему устройству. Мира засмеялась вместе со всеми.

— Не волнуйтесь, экзамена по номерам телефонов не будет. Но попробуйте представить, сколько нужно было знать, чтобы провести зиму в Европе двадцать тысяч лет назад. Где искать воду, как распознать след зверя, по каким признакам определить, что близится непогода. И всё это без возможности спросить у искусственного интеллекта, съедобна ли та штука, которую вы уже положили в рот.

— Значит, у них память была лучше? — спросила студентка из Парижа.

— В некоторых отношениях, вполне возможно. Но я бы не стала завидовать человеку, которому необходимо помнить расположение каждого источника воды, чтобы остаться в живых. И не думаю, что он отказался бы от антибиотиков из уважения к традициям своих предков.

— А как насчёт физических изменений? — поинтересовался студент из Токио. — Мы ведь потеряли большую часть шерсти по сравнению с другими приматами. Это приобретение или потеря?

— Зависит от климата. Лично я не особенно скучаю по густой шерсти. Особенно летом.

Мира дождалась, пока стихнет смех, и убрала изображение леса.

— А теперь проведём маленький археологический эксперимент. Представьте, что вы живёте через пять тысяч лет после нас и нашли при раскопках вот это.

В воздухе над кафедрой появился металлический предмет с двумя длинными ручками и круглым углублением между ними.

— Хирургический инструмент, — предположил кто-то.

— Для прокалывания чего-нибудь, — добавила девушка из Найроби.

— Может быть, для посвящения во взрослую жизнь? — предложил студент с верхнего яруса.

— Превосходно. Наконец-то мы добрались до ритуального назначения. Когда антрополог не может объяснить назначение древнего предмета, он рискует назвать его ритуальным. Представляю, какой невероятно религиозной покажется наша цивилизация археологам, которые обнаружат содержимое моей кухонной полки.

Она сжала ручки инструмента. Из виртуальной вишни вылетела косточка.

— Правда, в нашей семье этим приспособлением пользовались всего дважды. Так что, возможно, оно действительно предназначалось для особых церемоний.

Студенты ещё смеялись, когда Мира положила виртуальный инструмент на кафедру.

— С предметами нам хотя бы иногда везёт. Можно выяснить, для чего служил нож, как был сделан сосуд, что человек ел. А теперь попробуйте по этому же ножу определить, чего он боялся. По сосуду — кого любил. По костям — насколько прекрасным казалось ему собственное существование.

Она снова вызвала изображение леса. На этот раз он был залит утренним светом. Между стволами поднимался туман, на листьях дрожали капли воды.

— Кто-нибудь из вас когда-нибудь ждал рассвета с таким нетерпением, что не мог уснуть?

Несколько студентов подняли руки.

— В детстве, перед поездкой на море, — сказала девушка из Парижа.

— А просто потому, что наступит утро?

Девушка опустила руку и задумалась.

— Мы с вами просыпаемся, смотрим на часы и оцениваем, сколько времени осталось до следующего неприятного или приятного события. Но часы — не единственный способ переживать время. Представьте человека, для которого наступление весны — не дата в календаре, а возвращение запахов, звуков, пищи, тепла. Человека, который чувствует приближение этого события всем телом. Каково ему было ждать? И что он испытывал, когда наконец наступал первый тёплый день?

— Радость, наверное, — ответил студент из Берлина.

— Да. Но какую? Мы пользуемся одним словом, когда получаем хорошую оценку, встречаем любимого человека и когда нам сообщают, что опасность, которой мы боялись всю жизнь, миновала. Насколько разные вещи скрываются за этим словом!

Мира прошлась вдоль кафедры. Из леса доносился птичий щебет; кто-то из студентов обернулся на звук, хотя прекрасно знал, что птиц в аудитории нет.

— А теперь вообразите, что завтра утром вы просыпаетесь и обнаруживаете, что мир стал гораздо интереснее. Нет, ничего особенного с ним не произошло. За окном всё те же деревья, на кухне та же чашка, из соседней комнаты доносится знакомый голос. Но этот голос вызывает у вас внезапный прилив нежности, от запаха дождя кружится голова, а вид солнечного света на мокрой земле приводит вас в совершенно необъяснимый восторг. Что изменилось?

— Я бы проверил, что мне положили в кофе, — сказал молодой человек с первого ряда.

— Разумная предосторожность, — согласилась Мира. — Но допустим, с кофе всё в порядке.

— Тогда изменилось наше восприятие, — ответила девушка из Найроби.

— И вместе с ним вся наша жизнь. Представьте, что в течение многих поколений человек рос среди одних и тех же людей. Он знал их походку, запах, различал голоса ещё до того, как видел лица. Его жизнь зависела от них, а их жизнь — от него. Могло ли само присутствие этих людей вызывать у него ощущения, сила которых нам сейчас почти незнакома?

— Вы хотите сказать, что раньше люди были счастливее?

— Я не знаю. Возможно, они переживали и гораздо более страшные минуты, чем мы способны представить. Мне интересно другое: насколько вообще похожи наши внутренние миры? Мы очень уверенно рассуждаем о сознании древнего человека, хотя нам до сих пор трудно объяснить, почему одна и та же музыка заставляет одного из нас плакать, а другого — искать кнопку выключения.

Лес сменился изображением реки. Вода несла по течению жёлтый лист. Мира некоторое время смотрела, как он кружится возле камня.

— У нас есть прекрасные способы измерить скорость этой реки, изучить её химический состав, вычислить мощность будущей гидроэлектростанции. Но для человека, стоявшего здесь тысячелетия назад, река могла быть существом, к которому обращались с просьбой, местом встречи с умершими или источником такой радости, которую невозможно отделить от самого ощущения воды. Мы можем исследовать его верования. А можем ли мы понять, каково было верить в них?

На этот раз аудитория не спешила отвечать.

— Мы привыкли спрашивать, чего не хватало древнему человеку по сравнению с нами. А я всё чаще задаюсь обратным вопросом: чего, возможно, не хватает нам? Не знаний, не удобств, а каких-то способов чувствовать и воспринимать окружающее. И если бы нам удалось хотя бы на минуту оказаться внутри сознания человека, жившего тысячи лет назад, что удивило бы нас больше всего?

Она повернулась к слушателям.

— Меня интересует не только то, каким был мир древнего человека. А каким был мир, который он видел изнутри.

Изображение реки медленно погасло.

— Если кто-нибудь из вас найдёт способ это выяснить, пожалуйста, сначала сообщите мне. А уже потом подавайте заявку на Нобелевскую премию.

Феликс позвонил через семь минут после окончания лекции.

Мира ещё собирала материалы, когда перед ней возникло его лицо — взъерошенные волосы, чуть съехавшие очки и выражение человека, который только что обнаружил ошибку в устройстве Вселенной и был этим чрезвычайно доволен.

— Мира, мне нужны твои предки.

— Добрый вечер, Феликс.

— Да, добрый. У тебя сохранились результаты геномного анализа? Я разработал новый способ моделировать прошлое по личному геному. Мне нужен антрополог, чтобы разобраться в результатах. Кстати, мне дали грант.

— Поздравляю!

— Спасибо. Теперь мне осталось понять, на что именно.

— Обычно это делают до получения гранта.

— Формально я всё объяснил. Там сорок восемь страниц. Очень убедительно. А потом выяснилось, что моя модель умеет немного больше, чем я обещал.

Феликс был математиком, специалистом по нелинейной динамике и теории хаоса. Он мог забыть, где припарковал автомобиль, но помнил наизусть промежуточные результаты вычислений, проведённых полгода назад. Сейчас он с таким удовольствием потирал руки, что Мира невольно отложила всё, чем занималась.

Между ними развернулась объёмная диаграмма. Тысячи серебристых линий переплетались, сходились и снова расходились. В глубине мерцали золотые узлы, среди них открывались спокойные синие пространства. Феликс коснулся одного из них, и вся конструкция повернулась, напоминая огромную речную дельту, увиденную с высоты.

— Геномная ретродинамика, — объявил он. — Представь, Мира, два миллиона лет внутри каждого из нас. И это лишь часть нашей эволюционной истории.

Он приблизил изображение.

— У нас есть результат, а я пытаюсь восстановить возможные вычисления, которые к нему привели. Правда, природа не особенно заботилась о сохранении промежуточных файлов.

— И что ты нашёл?

— Окна исторической реконструкции. Здесь разные расчёты сходятся. Можно довольно сильно сузить круг вероятных условий жизни наших предков. А самое странное — иногда вместе с ними возникают устойчивые модели человеческих реакций. Я не понимаю, почему.

— Ты понимаешь, что из генома нельзя прочитать воспоминания о жизни прабабушки?

— Разумеется. Где она закопала фамильное серебро перед революцией, я тебе не скажу. И даже наличие серебра оставим под вопросом. Но я могу предложить несколько вариантов мира, в котором она жила, и посмотреть, какие из них согласуются с известными нам данными.

Мира приблизила одну из синих областей. Ей было трудно представить, что за этой красивой математической конструкцией могли скрываться люди, которые ели, любили, ссорились, растили детей. И всё же она никак не могла отделаться от вопроса, заданного студентам несколько минут назад.

— Феликс, а если твои модели не просто рассматривать? Если попробовать в них пожить?

Он перестал улыбаться.

— Ты имеешь в виду Сергея?

— Да. Только не говори ему с порога, что нам понадобилась машина времени.

Сергей выслушал их идею за ужином. Он стоял у кухонной стойки и резал сладкий перец, пока объёмное изображение Феликса с увлечением демонстрировало результаты вычислений прямо над салатницей.

— Вы хотите загрузить реконструкцию древнего мира в мой нейросомнический интерфейс? — спросил Сергей.

— Не совсем, — сказала Мира. — Мы хотим, чтобы человек почувствовал себя его обитателем.

— Это ещё хуже.

— Почему?

Сергей отложил нож.

— Потому что обычная симуляция хотя бы не притворяется твоей собственной жизнью.

Несколько лет он занимался нейрофизиологией сна. Его система позволяла направлять сновидение, оставляя спящему возможность осознавать происходящее и в определённых пре-

делах влиять на него. Сергея, однако, гораздо больше интересовало, почему человек иногда не может сделать даже то, что прекрасно понимает и совершенно свободно решил сделать.

— Один мой испытуемый недавно отказался открыть дверь во сне, — рассказал он. — Знал, что спит, помнил инструкцию, но был уверен, что за дверью кто-то есть. Никакого персонажа там не было.

— Испугался того, чего не существовало? — спросила Мира.

— Для него существовало. Попробуй объяснить себе во время кошмара, что бояться нечего. Я хочу знать, где заканчивается наша свобода, даже когда мы понимаем, что происходит.

Мира взяла кусочек перца с разделочной доски.

— Вот представь, что мы можем изменить не дверь, а самого человека, который стоит перед ней. Феликс даёт вероятную модель его наследственных особенностей, я — историческую среду, а твоя система позволяет всё это пережить. Может быть, мы увидим что-то, чего не ожидал ни один из нас.

— Или искусственный интеллект придумает убедительную сказку, — заметил Сергей.

— Генетическая реконструкция похожа на попытку определить историю семьи по содержимому её холодильника, — вмешался Феликс. — Ты можешь достаточно уверенно сказать, что здесь живут люди, которые покупают овощи. Но утверждать, что они их едят, было бы уже научной спекуляцией.

Сергей посмотрел на нарезанные овощи, а потом на Миру, которая тянулась за вторым кусочком перца.

— В нашем случае экспериментальная проверка гипотезы уже началась.

Они сели за стол. Феликс продолжал говорить из своего угла, время от времени заслоняя Мире виртуальной диаграммой настоящую солонку. Сергей терпеливо выслушал ещё несколько соображений и наконец спросил:

— А кто будет отвечать за возвращение человека из этого вашего прошлого?

— Ты, — совершенно серьёзно ответила Мира.

Сергей вздохнул.

— Я почему-то так и подумал.

Через две недели их лаборатория выглядела так, словно трое взрослых людей решили собрать машину времени, но не смогли договориться, в какой стороне у неё должно находиться прошлое.

Посреди комнаты стояла нейросомническая капсула Сергея — вытянутое кресло с лёгким прозрачным куполом. По соседству разместились экраны Феликса, исторические реконструкции Миры и такое количество кофейных чашек, что археологи будущего вполне могли бы принять лабораторию за храм.

Первым добровольцем вызвался Феликс. Сергей объяснил, что они смогут видеть только созданную системой сцену, а не воспоминания испытуемого; о том, что он действительно пережил, придётся спрашивать его самого. Интимные эпизоды не показывались наблюдателям, а медицинский контроль продолжался.

— Получается, у человека, умершего пятьдесят тысяч лет назад, тоже есть право на частную жизнь? — спросил Феликс.

— В данном случае право на частную жизнь есть у тебя, — ответила Мира.

— Наконец-то кто-то подумал о моих интересах.

Первые пробы отличались главным образом тем, что Феликс успевал уснуть гораздо быстрее, чем его коллеги успевали получить что-нибудь интересное. На третий день им наконец удалось подключить реконструкцию без привычных декораций сна.

— Если тебе станет неприятно, подай условный сигнал, — напомнил Сергей.

— А если станет приятно?

— Постарайся не мешать науке.

Феликс устроился удобнее. Купол опустился.

Сначала он различал только темноту. Потом почувствовал холод на открытых ногах и тяжёлый запах сырого меха. Что-то колючее впилось ему в шею. Он поднял руку, чтобы поправить одежду, и обнаружил на запястье туго стянутый ремешок.

Перед ним стояло существо с огромными рогами.

Феликс видел его снизу, на фоне серого неба. Из-под звериной головы свисали длинные пряди шерсти. Существо чуть повернулось, и в прорезях тёмной морды блеснули человеческие глаза. Справа появились ещё две фигуры. Одна из них несла что-то длинное, обмотанное полосами кожи.

Кто-то произнёс несколько низких, отрывистых звуков. Остальные замолчали.

Феликс попытался вспомнить условный сигнал. Но рука его уже прижималась к груди, а колени подгибались. Он боялся вовсе не рогов. Само появление этих людей означало, что с ним сейчас произойдёт нечто страшное. Все вокруг знали, что именно. И только он не знал.

Рогатый наклонился. Феликс ощутил его дыхание, запах земли и чего-то резко кислого. Человеческая рука потянулась к его лицу.

Он вскрикнул. Рогатая фигура исчезла.

Над ним был прозрачный купол. Сергей уже завершал пробуждение, Мира стояла рядом с креслом. Феликс несколько мгновений переводил взгляд с одного на другую, затем сел.

— Господи. Кажется, я попал на заседание учёного совета.

Мира рассмеялась. Сергей посмотрел на часы.

— Две целых три десятых секунды.

— Не может быть. Они успели меня окружить, поговорить между собой и, судя по всему, принять какое-то неприятное для меня решение.

— Что это были за люди? — спросила Мира.

— Не знаю. Но я испугался их ещё до того, как понял, кого вижу.

На синтетической записи различались несколько неясных фигур. Рогатый головной убор система построила по сравнительным археологическим материалам; точную эпоху и место установить не удалось.

— Твой страх совершенно настоящий, — сказала Мира. — А вот люди, которых ты испугался, могли никогда не существовать.

Феликс ещё раз взглянул на экран и потрогал шею. Колючей одежды на нём, разумеется, не было. До сих пор он был убеждён, что самым интересным результатом его работы станет красивая математическая модель. Теперь ему хотелось узнать, что произошло бы, если бы рогатый успел до него дотронуться.

Для следующего опыта Сергей выбрал себя. Он лично проверил систему, передал управление Мире и заставил Феликса убрать из программы настройку с названием «максимальная достоверность».

— Почему? — возмутился математик.

— Потому что она ничего не измеряет.

— Зато прекрасно мотивирует.

На этот раз реконструкции отводилось пять секунд. Сергей закрыл глаза.

Его разбудил солнечный свет. Он стоял среди высокой травы, нагретой солнцем, и чувствовал под босыми ступнями мягкую землю. В правой руке он держал какой-то тяжёлый предмет. Плечи ныли, словно он долго нёс груз. Он помнил, что находится в лаборатории, но усталость была такой настоящей, что ему захотелось немедленно сесть.

Из-за невысоких кустов выбежала женщина.

Ещё прежде, чем Сергей разглядел её лицо, он узнал её. Не мог сказать, откуда знает, но всё его тело уже отозвалось на её появление. Он выпрямился, бросил ношу в траву и сделал шаг навстречу.

Женщина была темноволосая, с широкими скулами и маленьким светлым шрамом у виска. Она смеялась, протягивая к нему руки. Ветер донёс её запах — дым, разогретая кожа, горьковатые травы и что-то ещё, для чего Сергей не находил названия. В другой жизни он, вероятно, счёл бы такой запах слишком резким. Здесь же от него у Сергея перехватило дыхание. Он был чудесен. Хотелось прижать женщину к себе, уткнуться лицом в её волосы и никогда больше никуда не уходить.

Она коснулась его щеки. Он засмеялся. Откуда-то сзади налетел мальчишка, вцепился ему в пояс, чуть не сбив с ног. Послышался радостный крик. Люди вокруг подхватили его, и Сергей вдруг почувствовал, что давно, мучительно долго хотел услышать эти голоса.

Он вернулся. Они были здесь. Все были здесь.

Ему хотелось обнять мальчишку, женщину, человека, который хлопнул его по спине, даже старика, медленно поднимавшегося с земли возле кустов. Ничего больше не нужно было делать, ничего добиваться, ничего доказывать. Он стоял под солнцем, захлёбываясь смехом, и был так счастлив, что у него выступили слёзы.

Женщина что-то сказала. Сергей не успел услышать последнее слово.

Вместо её лица он увидел лицо Миры.

— Серёжа?

Он лежал в кресле. На щеках ещё ощущалась влага. Сергей моргнул, глядя на белый потолок, и вдруг рассмеялся — от нелепости случившегося, от облегчения и оттого, что радость пока не успела исчезнуть.

— Ну? — не выдержал Феликс.

Сергей повернул голову к жене.

— По-моему, я только что обнаружил серьёзный недостаток современной парфюмерной промышленности.

— Это уже интересно, — заметила Мира. — Подробности будут?

— Я даже не знаю, как тебе это объяснить. Там была женщина. Я её не помню, но, пока был там, знал, что она мне дорога. И запах её... Удивительно, Мира. Я был, кажется, самым счастливым человеком на Земле.

— И всего за пять секунд, — восхитился Феликс. — Представляете коммерческие перспективы?

Сергей улыбнулся, однако ничего не ответил. Ему было не до коммерческих перспектив. Исчезновение чужого мира переживалось почти как внезапный отъезд людей, с которыми он хотел провести ещё хотя бы один вечер. Он взял Миру за руку. Ему было хорошо оттого, что она рядом, и одновременно странно оттого, что несколько секунд назад его жизнь казалась совершенно иной.

Феликс подозвал его к экрану. На записи женская фигура ещё скрывалась за кустами, когда в физиологических сигналах Сергея уже обозначилась двигательная реакция.

— Ты начал готовиться к движению ещё до того, как её увидел.

— Мог услышать шаги или получить сигнал раньше изображения, — ответил Сергей. — Сравним с обычным сном.

В последующих коротких пробах опережающие реакции обнаружились в обоих режимах. Но никто из участников пока не сумел по собственному желанию повторить то чувство, с которым Сергей вернулся из того пятисекундного сна.

Бывали и менее загадочные результаты. Однажды Феликс выскочил из сна в полном восторге: ему казалось, что он совершил невероятный прыжок через пропасть. На записи он просто переступал через небольшую канаву.

Математик долго рассматривал своё достижение.

— Возможно, я обнаружил древнейший источник человеческого хвастовства.

Однажды вечером Мира застала Феликса в лаборатории с чашкой давно остывшего кофе. На экране стояла неподвижная фигура человека, которого система построила для очередного опыта.

— Что ищешь?

— Ошибку.

— Нашёл?

— Слишком много. Но не ту, которая меня интересует.

Мира села рядом. На столе лежали её лекционные заметки. Она открыла их, увидела вопрос о мире, который древний человек видел изнутри, и вдруг с удивлением поняла, что уже несколько дней думает о нём совсем иначе.

— Феликс, я хочу попробовать сама. Не пять секунд. Достаточно долго, чтобы успеть там с кем-нибудь поговорить.

— Ты уверена?

— Нет. Но мне очень хочется узнать, чего я ещё не знаю.

На следующий день она сообщила о своём решении Сергею. Он настоял на нескольких промежуточных пробах и установил верхний предел — три минуты. Если Мира сохранит осознанность, она сможет попробовать изменить какой-нибудь поступок; система построит другой вариант продолжения сна. При потере контрольного контакта или признаках перегрузки Сергей немедленно остановит эксперимент.

Наконец всё было готово. Мира лежала в капсуле, прозрачный купол оставался поднятым. Сергей поправил последний сенсор у её виска.

— При первых признаках перегрузки я тебя разбужу.

— Знаю.

— Если перестанешь отвечать на контрольный сигнал...

— Ты меня разбудишь.

— И если...

— Серёжа, — мягко перебила она, — я же замужем за тобой. Мне известно, что ты способен перечислять риски до бесконечности.

Он улыбнулся и ненадолго задержал ладонь на её плече.

Феликс стоял возле главного экрана. На этот раз математик выглядел непривычно сосредоточенным.

— Модель выбрала довольно позднее окно реконструкции. Вероятно, Европа, несколько тысяч лет до нашей эры. Точного места мы не знаем.

— Почему не дальше?

— Здесь меньше неопределённости. Для первого раза вполне приличное место назначения.

— Очень романтично.

— Зато без необходимости получать визу.

Сергей опустил купол.

— Три минуты. Не больше.

Мира закрыла глаза. Сначала она слышала тихий шум системы, дыхание Сергея, щелчки клавиш под пальцами Феликса. Затем звуки начали удаляться. Перед внутренним взглядом возникло дрожащее пятно света. Оно распалось на множество искр, исчезло, возникло снова.

Мира попробовала сосредоточиться. Она в лаборатории. Это эксперимент. На мгновение она почувствовала знакомую лёгкость осознанного сна.

Потом что-то коснулось её ступней.

Не датчик. Не поверхность кресла.

Земля.

Холодная, влажная, неровная. В лицо ударил ветер, принёсший запах дыма, сырой древесины и горячего мяса. Где-то совсем близко звучали голоса. Их было множество, они перекликались, смеялись, звали друг друга.

Мира открыла глаза.

Над ней не было потолка. Вокруг темнели огромные деревянные столбы, а далеко впереди, за их неровным рядом, медленно разгорался свет. Она хотела осмотреться, но кто-то сзади нетерпеливо подтолкнул её в спину. Раздался звонкий девичий смех. И чей-то голос выкрикнул незнакомое слово.

Мира не знала этого языка. Но почему-то сразу поняла: звали её.

И ещё прежде, чем успела удивиться, её ноги сами сорвались с места.

Она побежала навстречу свету.

Глава вторая. Венок света.

Эна бежала так быстро, словно земля сама подталкивала её вперёд. Холодный воздух обжигал щёки, босые ступни находили опору среди камней и скользкой травы, а сердце колотилось от предвкушения. Мира ещё помнила, что лежит в нейросомнической капсуле. Где-то там были Сергей и Феликс. Она собиралась рассмотреть окружающий мир, запомнить лица, прислушаться к незнакомой речи. Но сзади её догнала девушка, на бегу дёрнула за край одежды, и Эна звонко рассмеялась. Мира не знала эту девушку. Эна же узнала её ещё по тому, как та тяжело дышала и смеялась одновременно.

Впереди между деревянными столбами разгорался свет. Эна прибавила шагу. Сколько раз она представляла себе это утро! Ещё вчера ей поручали присматривать за малышами, пока старшие готовились к празднику. Она таскала дрова, помогала у очага, а когда взрослые собирались вместе, ей приходилось ждать с остальными девушками. Как обидно было видеть, что люди, ещё совсем недавно игравшие с ней, теперь могли пройти туда, куда ей было нельзя. Она старалась не показывать, как им завидует, но подруга, конечно, всё знала.

Сегодня ждать больше не придётся.

Девушки выскочили на вытоптанную площадку. У прохода стояли люди, дальше, возле очагов, теснились те, кто не смог пробраться ближе. От дыма щипало глаза. Эна различала запах влажных дров, горячего жира, нагретых у огня шкур. Из толпы кто-то окликнул её, и она, не оборачиваясь, улыбнулась: этот голос принадлежал человеку, который всегда давал ей самый вкусный кусок мяса. Другой голос заставил её тут же выпрямиться и перестать смеяться. Она узнала старшую женщину.

Та ждала у прохода, сложив руки перед собой. Эна остановилась так резко, что чуть не поскользнулась. Подруга едва успела затормозить рядом и, прикрыв рот ладонью, тихо фыркнула. Старшая женщина взглянула на обеих. Подруга исчезла в толпе с такой поспешностью, будто никогда и не собиралась здесь задерживаться.

Эна осталась одна перед проходом. Ей вдруг стало страшно. Она знала, как надо идти, куда смотреть, где остановиться. Всё это она столько раз проделывала мысленно, лёжа ночью возле спящих родных, что могла бы пройти с закрытыми глазами. Но никто не мог научить её самому важному. Однажды она видела, как после посвящения девушка, на два лета старше её, долго плакала и никак не могла ответить на вопросы. Позже та сказала Эне, что Солнце увидело её. Сказала так просто, что Эна не решилась расспрашивать дальше.

А вдруг сегодня оно не увидит её?

Старшая женщина подняла ладонь. Голоса стихли. Эна слышала треск дров, кашель старика, фырканье животного неподалёку. Даже ветер, до этого дёргавший волосы и заставлявший её щуриться, на мгновение затих.

За столбами поднималось Солнце.

Оно возвращалось. Все знали, что оно вернётся, даже самые маленькие дети. Но сейчас Эна не могла отвести от него глаз. Низкие облака по краям светились красным, и сквозь узкий просвет над землёй проступала золотая полоса. Свет медленно двигался по влажной траве, касался основания одного столба, затем другого. Эна чувствовала, что он приближается к ней. Ещё немного, и он найдёт её среди всех этих людей.

Старшая женщина опустила руку. Эна шагнула в проход.

Тень от столба скользнула по её щеке. Следующий шаг вывел её на свет, и она невольно подняла лицо. Тепло было слабым, почти неразличимым в зимнем воздухе, но для Эны оно оказалось сильнее жара любого костра. Солнце смотрело на неё. Оно знало, как долго она ждала этого утра, знало её страх и нетерпение, все её тайные надежды. Эна не думала об этом

словами. Она встретила его взгляд, и ей стало так хорошо и спокойно, что слёзы сами потекли по щекам.

На краю сознания Миры мелькнуло изумление. Ведь это был всего лишь рассвет! Она сама видела сотни рассветов, изучала древние верования, читала лекции о сакральном восприятии природы. Но никогда, даже в самые прекрасные минуты своей жизни, не ощущала, что свет может быть обращён лично к ней. Она попыталась удержать эту мысль, но старшая женщина уже приблизилась, и всё внимание Эны сосредоточилось на том, что та несла в руках.

Венок. Тонкие переплетённые ветви, гибкие волокна, маленькие пучки тёмной зелени. На одном из листьев дрожала капля воды. Эна знала этот венок. Она видела, как старшие женщины готовили его, и всякий раз, проходя мимо, старалась смотреть в другую сторону, чтобы не выдать себя. Теперь он был совсем близко. Она наклонила голову и вдруг испугалась ещё сильнее: а если поднимет её и останется той же самой Эной? Если все будут улыбаться, поздравлять её, а внутри ничего не изменится?

Прохладные пальцы раздвинули волосы. Венок лёг на голову.

Эна судорожно вдохнула. Где-то под рёбрами разлилось тепло, и с каждым ударом сердца оно распространялось дальше, пока не охватило всё тело. Она выпрямилась, и ей стало необычайно легко стоять. Её ноги, руки, даже пальцы ощущались по-новому. Она подняла ладони, удивлённо посмотрела на них и обнаружила, что улыбается. Хотелось что-то сказать, но ни одного слова не было достаточно.

Солнце приняло её.

Эна подняла руки и закричала. В этом крике было всё, чего она боялась, чего ждала, о чём не рассказывала даже подруге. И люди ответили ей. Звук ударил со всех сторон, поднялся над столбами, над дымом, над головами собравшихся. Она увидела, как улыбается старшая женщина, и бросилась к ней, обхватила её за плечи. Та рассмеялась, поправила съехавший венок и прижала девушку к себе.

Эна стала другой. Она знала это так же несомненно, как знала, что земля удержит её, когда она сделает следующий шаг. Больше не нужно было подглядывать за взрослыми из-за чужих спин. Она могла войти к ним, могла остаться. Ей открылась жизнь, которую она так долго представляла, и она вдруг поняла, что не представляла даже малой её части.

Кто-то ухватил её за руку. Подруга протиснулась между людьми, отступила на шаг и с необыкновенной серьёзностью оглядела Эну с головы до ног. Затем подняла ладонь, сложила губы и точь-в-точь изобразила выражение старшей женщины. Эна попыталась ответить с достоинством, соответствующим её новому положению. Ей хватило его на два вдоха. Потом обе расхохотались, и Эна едва не потеряла венок во второй раз.

Старик, чей голос она узнала ещё у прохода, протянул ей кусок горячего мяса. Она схватила его, обожгла пальцы, перекинула из руки в руку и откусила. Хрустнула поджаренная корочка, на языке выступил сок, пахнущий дымом. Эна зажмурилась. Старик, довольный произведённым впечатлением, подал ей ещё кусок. Подруга тут же потянулась к нему, и Эна спрятала руку за спину. Они немного потолкались, пока не разделили добычу пополам.

У очага начали ритмично ударять по дереву. Сначала отвечали отдельные голоса, затем к ним присоединились хлопки ладоней, топот ног. Подруга бросила Эне вызов коротким, хитрым движением плеча и отскочила. Эна догнала её, повернулась, подпрыгнула и вдруг почувствовала, что не нужно следить за собственными ногами. Они сами знали, когда коснуться земли, когда оттолкнуться, как увернуться от встречного человека. Она с удовольствием отдалась движению, улавливая даже те изменения ритма, которые ещё не успевала осознать.

Один из юношей оказался прямо перед ней. Волосы у него торчали в разные стороны, на груди подпрыгивало небольшое украшение. Эна хорошо его знала. Ещё вчера он нарочно мешал ей пройти с охапкой дров, а потом, получив от неё заслуженный толчок, всё-таки помог

донести их до очага. Сейчас он посмотрел на её венок и отвесил такой почтительный поклон, что она сразу поняла: он над ней смеётся.

Эна вскинула голову и прошла мимо с величественным видом. Она уже почти убедила себя, что больше не станет обращать внимания на подобные выходки, но через несколько шагов не выдержала, обернулась и показала ему язык. Юноша расхохотался, подруга завизжала от восторга, и Эна, тоже смеясь, снова влетела в круг танцующих.

Ритм ускорялся. Эна ловила руки, отпускала их, вновь встречала знакомые лица. Она заранее знала, что старик у очага засмеётся, когда кто-нибудь собьётся с шага, что подруга сейчас попытается протиснуться между двумя танцующими, что юноша непременно окажется рядом. И всякий раз, когда происходило то, чего она ждала, её охватывало новое удовольствие. Даже чужие нелепые движения были ей дороги. Из этих смешных, знакомых до мелочей людей состоял её мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.